

## Повесть временных лет. О значении синтагмы «и до сего дни»

Едва ли какая-нибудь литература больше русской может нуждаться в тщательном осмотре и разборе византийских писателей

Добролюбов

Для истории Древней Руси основная трудность состоит не в герменевтике, не в решении проблемы понимания, к тому же ложно трактуемой, а в поиске твердой хронологической опоры при изучении Повести временных лет по трем сводам – Лаврентьевской летописи, Ипатьевской летописи и Новгородской летописи младшего извода. До сих пор эту опору пытались найти в реконструкциях, созданных путем текстологических сравнений. Исключением является гипотеза А.А.Шахматова, рассматривавшего в качестве текста-основы соответствующую часть Новгородской летописи младшего извода<sup>1</sup>.

Как представляется, в контексте поиска твердой опоры правильно сформулированная задача – это задача определения границ текста Повести временных лет. В частности, возникает вопрос: совпадают ли они с границами так называемой Несторовой летописи.

Вероятно, дело в том, что работа с письменными источниками по сбору необходимых данных по своей структуре обнаруживает сходство с работой полевого этнографа. В этом плане вполне объясним успех Т.Л.Вилкул, которая высказала ряд фундаментальных соображений, означающих как отказ от гипотезы о существовании таких памятников, как «Начальный свод» и «Хронограф по великому изложению», так и отказ от гипотезы о том, что протографом Повести временных лет является Новгородская летопись младшего извода<sup>2</sup>. Однако, избавившись от упомянутых протографов, взамен исследовательница создает новый виртуальный «древний извод» в виде «киевского свода». т.е. «текста, который продолжали и от которого отталкивались все последующие летописцы, в том числе, новгородские»<sup>3</sup>.

Именно при этнографическом подходе к «полевым» исследованиям в области исторических источников, становится возможным искать «древний извод» не где-то за пределами, а именно внутри так называемой Несторовой ле-

<sup>1</sup> Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

<sup>2</sup> Татьяна Вилкул. О хронографических источниках Повести временных лет и времени появления древнерусских хронографов, с.1-37. Источник: [nestoriana.files.wordpress.com/2013/07/pvl\\_vilcul.pdf](http://nestoriana.files.wordpress.com/2013/07/pvl_vilcul.pdf)

<sup>3</sup> Там же, с.37.

тописи. И не в качестве субстрата, но составной части, которую только и следует именовать Повестью временных лет. С указанной точки зрения, верхней границей Повести временных лет являются летописные сообщения о правлении князя Владимира Святославича. Об этом говорит и само название «Повесть временных лет», и её содержание, и – главное – структура этого уникального в масштабах мировой истории памятника древнерусской литературы.

Определение начала текста Повести временных лет, как и в большинстве других случаев, – задача тривиальная, решаемая «по первым строкам» Лаврентьевской летописи.

**Се повѣсти времѣньныхъ лѣтъ . ѿкуда естъ пошла руская зема . кто въ Києвѣ нача первѣе княжити и ѿкуда руская земля стала естъ**

Так или иначе, название Повести временных лет не представляет никакой загадки. По Срезневскому, сочетание Повѣсти времѣньныхъ лѣтъ означает «рассказ повременный о прошедших годах»<sup>4</sup>. При этом очевидно следующее. Во-первых, в данном названии слово «повѣсти» употребляется в значении «поучений», или «наставлений», а, во-вторых, само название перекликается со славянским переводом названия исторического труда Георгия Мниха «Краткая хроника от разных хронографов»<sup>5</sup>: «Книгы временныѣ и образныѣ». Таким образом, название «Повести временных лет», в сущности, оказывается неологизмом, означающим «хроники поучительного (образного) характера». Строился этот термин примерно так: *χρονικόν* → **книгы** временныѣ и **образныѣ** → **повѣсти** времѣньныхъ лѣтъ. Тем более, что в греческом оригинале на этом месте значится ΠΡΟΟΙΜΙΟΝ (предисловие, преамбула)<sup>6</sup>. Название «Книгы временныѣ и образныѣ» есть не буквальный перевод, а эквивалент в виде компонентного анализа греческого *χρονικόν*.

Во-первых, греческое βιβλος допускает двоякий перевод: «книги» или «повести». Во-вторых, как это заметил еще Н.А. Добролюбов, переводчик хроники Георгия Амартола использовал слова «историки» (ἱστορίχοι) и «Собразчици» как синонимы. См. Материалы Срезневского: образъ, образыникъ, образныи. Образыникъ – это «изобразитель», т.е. историк. Соответственно, автор Повести временных лет и слово «лѣто» употреблял в значении «образ, история, пример», т.е. указывал за счет метонимии не на единицу времени, а на погодную запись, или описываемые в ней события. Это почти равносильно положению, что автор Повести и переводчик хроники Амартола – одно и то же лицо.

<sup>4</sup> Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893. Стлб. 319.

<sup>5</sup> Истрин В.М. Книги временные и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Том I: Текст. Пг., 1920.

<sup>6</sup> [https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&\\*=lKon5DIzZop4etQaf8kqvBkVzD97InVyBCI6InlhLWRpc2stcHVibGljOi8vUlpBTjYxTUlhandyWE5sRGtXc20yZXJOYTk3bGF6aTM0MFgybVZFMElrZz0iLCJ0aXRzZSI6IkJFtYXJ0b2xHcmVjaDE4NjEucGRmIiwibm9pZnJhbWUiOmZhbnHNILCJ1aWQiOiIwliwidHMiOjE2MTAxMDM4NDE5NjAsInl1IjojMzUzMjA2Mzk2MTYwOTk2MzYzOSJ9](https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&*=lKon5DIzZop4etQaf8kqvBkVzD97InVyBCI6InlhLWRpc2stcHVibGljOi8vUlpBTjYxTUlhandyWE5sRGtXc20yZXJOYTk3bGF6aTM0MFgybVZFMElrZz0iLCJ0aXRzZSI6IkJFtYXJ0b2xHcmVjaDE4NjEucGRmIiwibm9pZnJhbWUiOmZhbnHNILCJ1aWQiOiIwliwidHMiOjE2MTAxMDM4NDE5NjAsInl1IjojMzUzMjA2Mzk2MTYwOTk2MzYzOSJ9)

Повестей, по первоначальному замыслу автора Повести, должно было быть три: повесть об истоках Руской земли, повесть о первых киевских князьях и повесть об окончательном становлении Руской земли.

Надо также иметь в виду, что, согласно тому же Срезневскому, в древнерусском языке слово «земля» имело и такие значения, как «владение» и «государство». Но, учитывая в целом условность применения термина «государство» к рассматриваемому периоду истории, речь должна идти о д е р ж а в е русских (руських) князей с центром в Киеве.

Не случайно летописец начинает первую повесть («откуда есть пошла Руская земля») с космографических («этногенетических») построений, путем ряда последовательных сужений выделив из множества народов полян (или создав их?) и присоединив, т.е. буквально притянув этот этноним к первому известному ему письменному упоминанию этнонима «русь» («рос»), относящемуся ко времени царствования византийского императора Михаила. Вторая повесть рассказывает об Олеге, Игоре и Святославе, т.е. о князьях-язычниках, которые правили в Киеве «первее», являясь, по замыслу автора Повести, собирателями Руской земли. Третья повесть – о правлении князя Владимира Святославича, крестившего Русь и тем самым, с точки зрения летописца, завершившего процесс сложения державы («земли») киевских князей.

При решении поставленной нами задачи текстология бессильна. В данном случае необходим морфологический, или структурный подход. На самом деле структура Повести временных лет имеет двухчастную (двухмотифемную) форму эпического произведения, где начальную ситуацию составляет рассказ о полянах и руси. Первую мотифему образует рассказ о походах трех князей-язычников на христианский Константинополь, а вторую – рассказ о подвиге князя Владимира, крещении Руси (к вопросу о «скрепах»).

Конечная ситуация представлена вполне эпическими по смыслу мотивами наделения сыновей владениями, мирного сосуществования с «князи околними» (королями Польши, Венгрии и Чехии), наведения порядка в пределах своей державы (прекращение якобы умножившихся разбоев).

Появление после всего этого эпизода, где фигурирует легенда о белгородском киселе, говорит о том, что автор Повести временных лет придал ей форму легенды, задним числом пересчитав коннотативное значение предыдущих частей и тем самым переосмыслив сущность протагониста, князя Владимира. Иначе говоря, он на ходу переделал его из богатыря, победителя змея, в грешника, начинающего творить чудеса после обращения к Богу. При всем при этом следует особо подчеркнуть, что Повесть временных лет все-таки, является летописью, хотя и построенной по шаблонам фольклора.

Разумеется, Повесть временных лет выглядит так, как мы ее описываем, в предельно схематизированном виде, причем только как р е з у л ь т а т без его с т а н о в л е н и я . В данном случае результат совпадает с замыслом, а замысел

и его воплощение не одно и то же. Поэтому изучение структуры становления, т.е. истории написания Повести – предмет отдельного исследования.

Последнее замечание – по поводу верхней границы текста Повести (повестей) временных лет. Следующий ход Несторовой летописи начинается, по фольклорным меркам, с мотива в р е д и т е л ь с т в а – отказа новгородского князя Ярослава давать положенный «урок» Киеву. Это дополнительный и, практически, безошибочный признак того, что верхнюю границу Повести временных лет мы определили верно. (Помимо прочего, становится ясно, что задача определения границ текста носит экстралингвистический характер.)

Так что теперь, когда мы знаем, что такое Повесть временных лет, можно попытаться установить время ее написания относительно других частей Несторовой летописи. Логично предположить, что написание Повести относится ко времени княжения Ярослава Владимировича. Утверждая это, мы исходим из того, что Повесть временных лет, взятая в целом, тематически приобретает значение правового документа, обосновывающего претензии Киева на территории, собранные вокруг единого политического центра в результате летописных военных походов предков князя Ярослава.

Нижняя дата начала работы по созданию Повести временных лет хорошо известна – 1037 г. Под этим годом в Лаврентьевской летописи мы читаем, что Ярослав при закладке (каменной? – *ПБ*) церкви святой Софии «собра писыцѣ многы, и прекладаше **от** (**ѣк**. – *ПБ*) **Грекѣ** на Словѣньское писмо, и списаша **книгы** многы... любимѣ бѣ **книгамѣ**, многы написавѣ положи въ церкви святой Софѣи, юже созда самъ...»<sup>7</sup>. По поводу глагола «прекладаше» в значении перевода с одного языка на другой можно сказать следующее. Слова прѣкладати (вместо прикладати) и прѣкладѣ (вместо прикладѣ) могли принимать соответственно значения «сравнивать» и «пример»<sup>8</sup>. Тогда в летописи речь идет не о переводах, а об использовании цитат из греческих хронографов. (Ср. выражения «**от Грекѣ** на Словѣньское писмо» и «**от разных хронографов**» в названии труда Георгия Амартола «Краткая хроника от разных хронографов».)

[П р и м е ч а н и е . Выше мы стремились показать, что название первой русской летописи перекликается с названием хроники Георгия Амартола. Но с трудами, на которых стоит имя этого византийского писателя, может быть связана не только терминология, с точки зрения подбора (поиска / конструирования) эквивалентов, но и структура названия. Приведем две цитаты из Н.А.Добролюбова<sup>9</sup>, выделив методом билингвы ключевые слова:

Кроме того, Аллаций говорит, что у него сохранилась, довольно в древнем списке, "χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν ὑπὸ Γεωργίου Ἀμαρτολοῦ μοναχοῦ βιβλος γενέσεως (ῶкуду. - *ПБ*) ἀνθρώπων, ἥ ἡμέρα ἐπλασεν ὁ

<sup>7</sup> Полное собрание русских летописей. Т.1.П. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, С.65-66.

<sup>8</sup> Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.II. СПб., 1902. Стлб.1653.

<sup>9</sup> Добролюбов Н.А. О древнеславянском переводе хроники Георгия Амартола.

Источник: <http://dobrolyubov.lit-info.ru/dobrolyubov/kritika/amartol/amartol-vstuplenie.htm>

θεὸς τὸν Ἀδὰμ κατ'εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν αὐτοῦ. Ὅδε Ἀδὰμ ἐγέννησεν υἱοὺς τρεῖς". {"Из хроники монаха Георгия **повествование, откуда** («откуда». – *ПБ*) **и при каком царе** появилась ересь иконоборцев" (греч.). -- *Ред.* }

Алляция представляет и подлинное заглавие хроники, и начало ее в одном из кодексов: "χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων хроνογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν σολλεγὲν καὶ συντεθεῖν ὑπὸ Γεωργίου Ἀμαρτολοῦ μοναχοῦ βιβλος γενέσεως ἀνθρώπων, ἥ ἡμέρα ἐπλασεν θεὸς τὸν Ἀδὰμ κατ'εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν αὐτοῦ. Ὅδε Ἀδὰμ ἐγέννησεν υἱοὺς τρεῖς". {"**Краткая хроника, собранная из (трудов) различных летописцев** и толкователей и составленная монахом Георгием Грешником, **книга сотворения людей** ("Бытие") со дня, когда бог вылепил Адама по образу и подобию своему. Этот Адам родил трех сыновей" (греч.). -- *Ред.* }

При определении времени написания Повести временных лет следует учитывать то обстоятельство, что она не могла быть написана, что называется, за один присест. Сбор материалов по различным источникам, в том числе этнографического характера, а затем их обработка и сведение в одну систему при наличных условиях той далекой эпохи могли отнять не менее двух десятилетий, т.е. времени сопоставимого со временем необходимым для возведения грандиозного храма. А мы помним слова летописца о том, что написанные книги были положены в церкви святой Софьи. По указанному признаку и некоторым другим, о которых более уместно говорить подробно в специальной работе, мы склонны судить о создателе Повести временных лет как очевидце, вспоминающем события, связанные с ее созданием. Все вместе взятое позволяет утверждать: текст Повести создавался с конца 30-х до начала 50-х гг. X в.

Свидетельством тому может служить поговорка «погибоша аки ГѠбрѣ» всем настолько известная, что никому не приходит в голову проанализировать ее на историческую аутентичность как «притчи в Руси» (ср. выражение «притча во языцех»).

Во-первых, от того момента, когда «не встася ни единѣ ГѠбъринѣ», летописца отделяло около двух столетий и произошло это слишком далеко на западе, чтобы весть об исчезновении аваров с исторической арены могла дойти до населения, обитавшего на территориях Киевского княжества более чем за полвека до первого упоминания руси в Повести временных лет, не говоря уже о том, что о русах ничего не сообщают византийские источники, покрывающие интересующую нас эпоху.

Во-вторых, о самом существовании аваров автор Повести мог узнать никак не из местных преданий «киевского цикла», но из византийских источников, которые нетрудно определить. Это как раз хроника Георгия Амартола, из древнерусского перевода которой и возникли Обры, или Обри, и «История» Феофилакта Симокатты.

Летописный отрывок, повествующий о том, как обри (обре) творили насилие над женами дулебов, представляет собой предельно сжатую смесь ряда

сообщений из двух упомянутых источников. Это видно из полного совпадения имен царей и этнонимов. Приведем этот отрывок по изданию 1846 г.<sup>10</sup>:

**Словѣнску же языку**, якоже рекохомъ, живушю на Дунаи, придоша от Скуѣ, рекше от Козаръ, рекомѣи Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша. Посемъ придоша **Угри** Бѣли, наслѣдиша землю Словѣнску; си бо Угри почаша быти при **Ираклии** цари, иже находиша на **Хоздроя царя Перьскаго**. Въ си же времяна быша и **Обри**, ходиша на Ираклія царя и мало его не яша: си же **Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ** и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женам Дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, **не дадѣше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повезти Обрѣна**; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ телом велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ниединъ Обринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, их же нѣсть племени, ни наслѣдка. По сих же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Чернѣи мимо Кіевъ, послѣже при Олзѣ.

Летописные мотивы «велаше въпрячи ... женъ в телѣгу» и «быша бо Обрѣ тѣлом велици» также позаимствованы у Феофилакта Симокатты из двух других эпизодов – рассказе о встрече византийского императора с тремя славянами, явно разведчиками, которые удивили его **«размерами их тел и огромности членов»** и рассказе о египетском царе Сесострисе, который, **«не пожелав иметь в упряжке ни лошадей, ни мулов... наложил ярмо повозки на шеи побежденных им царей и заставил этих несчастных тащить на себе колесницу по площади»**. Примечательно, что притча о Сесострисе была рассказана ромейским послом в поучение аварскому кагану:

Когда ход влекомой ими колесницы стал неровным, так как не было согласного усилия людей, поставленных для этого, египетский царь спросил того, кто часто оборачивался назад: «Человек, что ты все время оборачиваешься назад и с любопытством глядишь на колеса, что хочешь ты так жадно исследовать?» Тот ответил Сесострису с глубокой мудростью: «Повергнут я в изумление тем, как движутся колеса: не прямо и гладко это движение, но те их части, которые были высоко, вновь оказываются на земле и в свою очередь бывшие низко снова поднимаются вверх». И говорят, что эти слова отучили Сесостриса от чрезмерного самомнения и он приказал снять с плеч царей ярмо, а впоследствии выезжал на мулах. «Да будет это тебе, каган, уроком: нет ничего более непостоянного, чем счастье».

Решающее различие между Повестью и византийскими источниками заключается в том, что последние действительно сообщают, как именно **«погибоша Обрѣ»** (в войне византийцев с аvarами в 600-602 гг.). Эти источники говорят, что в ходе разгрома аваров и их союзников они тысячами тонули в воде, прижатые в одной из битв к озеру, а в другой – к реке.

Феофилакт Симокатта<sup>11</sup>:

На двадцатый день варвар (каган аваров. – ПБ) снова собрал силы у реки. Поэтому и Приск вернулся к реке Тисе. В этом-то месте и произошло самое крупное и славное сражение. (14)

<sup>10</sup> ПСРЛ. Томъ первый. II Лаврентіевская и Троицкая лѣтописи. СПб., 1846, с.5.

<sup>11</sup> Источник: [www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokatta/frameset1.htm](http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokatta/frameset1.htm)

В этот день варвары, разбитые, так сказать, наголову, захлебнулись в речных потоках. Вместе с ними погиб и большой отряд славян. (15) После поражения [многие] варвары были взяты в плен: захвачено аваров — 3000, других варваров - 4000, да еще 2200, славян – 8000.

Георгий Амартол<sup>12</sup>:

Ѓбри же Фракіискую землю потребиша. Тѣмже стоужившеси Константиноградци на Ѓбры на воа събравшеса, и бившимса имъ, и многы тысящѣ ѡт них избивше, въ всю землю въгнаша а.

Теперь о самой фразе «погибоша аки Ѓбрѣ». Все говорит о ее нефольклорном происхождении.

Первое. С точки зрения содержания, из самой притчи непонятно, почему протагонистами поговорки, говорящей о народе «погибшем, исчезнувшем без следа», вдруг стали именно авары, а не другие народы-завоеватели, например, гунны. Из-за жестокости по отношению к покоренному населению? Вряд ли в этом отношении авары чем-то отличались от других «варваров». Может быть, из-за бесславной гибели в воде? Этому противоречит тот факт, что сам автор Повести стремится подать «поговорку» именно в том, смысле, в каком ее ныне принято истолковывать. И в целом кажется мало вероятным, чтобы могла возникнуть и иметь хождение паремия с таким узким смыслом поголовной кары, гибели завоевателей, жестоко обращающихся с подвластным населением.

Второе. С точки зрения структуры, в этой поговорке отсутствует обстоятельство действия. В поговорках, образующих собой сходные мотивы, всегда содержится ответ на вопрос «как?», «где?» или «каким образом?». Ср.: попал как кур **в ощи** (при неверном понимании: **во щи**), пропал как мышь **на подтопе**, пропал как швед **без масла** или пропал как швед **под Полтавой**.

Вполне даже вероятно, что автор Повести, используя выражение «погибоша аки Ѓбрѣ», держал в голове какую-то поговорку сходную по форме с поговоркой «пропал как мышь на подтопе», но что-то ему мешало завершить выражение до полной поговорки. Что именно, мы узнаем из другого византийского источника – «Хронографии» Михаила Пселла, рассказывающей о разгроме русов во время похода на Константинополь в 1043 г.<sup>13</sup>:

Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман и, когда горизонт очистился, переместило воздух, который возбудил сильный восточный ветер, взбороздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море.

---

<sup>12</sup> Книги времяньны и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнемъ славянорусскомъ переводѣ. Текстъ, изслѣдованіе и словарь. Том I: Текстъ. Пг., 1920, с.434.

<sup>13</sup> Источник: [https://azbyka.ru/otechnik/Mihail\\_Psell/hronografija/](https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Psell/hronografija/)

По сообщению же Иоанна Скилицы, «после битвы море выкинуло на берег многие тысячи трупов»<sup>14</sup>.

Что касается «дулебов», то, скорее всего, автор летописи отождествлял их антами, вполне оправданно локализуя область их расселения на левом берегу Дуная. Как известно, в 602 г. авары совершили поход против антов, союзников Византии, т.е. «Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ».

Имя антов в последний раз упоминается именно Феофилактом Симокаттой в связи с событиями начала VII в., после чего они бесследно исчезают из византийских хроник. Автор Повести был первым из историков, кто это заметил. Впоследствии подобным же образом, т.е. превращением антов в тиверцев и / или северов, объяснил исчезновение антов Г.Г.Литаврин<sup>15</sup>.

Чтобы понять, зачем автору Повести понадобилась фланкировка мотивами, необходимо смотреть, какое место в Повести занимает этот «образъ» (читай: пример). Безусловно автор был глубоко религиозным человеком, но в построении нарративов фольклорные штампы преобладают с учетом коэффициента историчности. Коннотации данного эпизода сказочно-эпического характера. В сказках змей требует человеческих жертв в виде девушек, но является герой, избавляющий людей от страшной дани. В Повести обры «насилъе творяху женам (sic!) Дулѣбскимъ», но «Богъ потреби я, помроша вси, и не остана ниединъ Объринъ». Непосредственно за этим следует: «Поляномъ же живущем особѣ якоже рекохомъ, суще от рода Словѣньска, и нарекошася Поляне...». Так что дулебы, попавшие в зависимость от чужеземцев, сознательно противопоставлены независимым полянам, живущим «особѣ».

На этом фоне единственным фактом, не подвергавшимся никакой обработке, оказываются слова «погибоша аки Сѡбрѣ». И это слова о разгроме русов в 1043 г. В Повесть эти слова могли быть внесены только после 1043 г., но не позднее правления князя Ярослава, умершего в 1054 г. Об этом можно судить по записи под 1043 г., где отсутствуют все неприятные подробности, какие мы знаем из византийских источников (факт проигранного русами морского сражения), и, наоборот, добавлены детали, долженствующие свидетельствовать о героизме русов (якобы выигранное русами морское сражение):

Посла ~~ѡ~~рославъ снѣ своего Володимера . на Грькы . и вда ему вои многъ . а воеводство поручи Вышатѣ . ѡцѣ ~~ѡ~~неву . и поиде Володимеръ в лодѣ~~ѡ~~хъ . и придоша в Дунай . [и] поидоша к Цсрюграду . и бысѣ бурѣ велика и разби корабли Руси . и княжь корабль разби вѣтръ . и взѣ князѣ в корабль . Иванъ Творимиричъ . воеводы ~~ѡ~~рославла . прочии же вои Володимери ввержени быша на брегъ . числомъ . ~~ѡ~~ . И хотяще поити в Русь . и [не] идаше с ними [никтоже] ѡ дружины княжеѣ . и речѣ [Вышата] азъ поиду с ними . и высѣде ис корабля с ними . и [речѣ] аще живѣ буду [то] с нимъ . аще погыну то с друженою . и поидоша хотяще в Русь . и бысѣ вѣсть Грькомъ . ~~ѡ~~ко избило море Русь . и пославъ црѣ именемъ Мономахъ по Руси владии . дѣ . Володимеръ же видѣвъ с дружиною .

<sup>14</sup> Цит. по: Михаил Пселл. Хронография. М., 1978, с.282.

<sup>15</sup> Литаврин Г.Г. О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1969, с.31.

ѿко идут по немь. въспативъса изби влады Гречьскыѧ . и възвратиса в Русь . ссѣдавшеся в корабль своѣ . Вышату же аша съ изверженными на брегъ . и приведоша а Цсрюграду и слѣпиша Руси много . по трехъ же лѣтъхъ миру бывшую . пущень бысѣ Вышата в Русь къ ѿрославу<sup>16</sup>.

Наконец, сам характер искажения («переворачивания») событий 1043 г. и упоминание имен неизвестных по византийским источникам говорят о том, что автор летописного сообщения был современником этих событий и знал о них не из византийских источников, а, во всяком случае, по рассказам непосредственных участников, которые, возможно, сами приукрасили реальные события, внося от себя кое-какие поправки, с точки зрения неписанных правил военных донесений.

Подводя, пока, безусловно, предварительные итоги, скажем: существуют, по крайней мере, три точки, по которым возможно задать хотя бы примерный график написания Повести временных лет в нашем понимании, т.е. текста, заканчивающегося правлением Владимира Святославича. Этими точками являются три даты: 1037, 1043 и 1054 годы. Более точно понятие «и до сего дни» можно построить при анализе этапов написания Повести. В этом ключе дополнительным признаком, выделяющим Повесть временных лет на фоне Несторовой летописи, является одно обстоятельство, на которое прямо указывает ее название. Повесть временных лет – это относительно самостоятельная часть Несторовой летописи, написанная исключительно по источникам, устным и письменным.

**11 января 2021 г.**

---

<sup>16</sup> Источник: [http://www.anaslav.ru/Letopisi/Lavrent\\_tom\\_1.pdf](http://www.anaslav.ru/Letopisi/Lavrent_tom_1.pdf)